

РУССКАЯ
МЫСЛЬ.

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

ЯНВАРЬ.

МОСКВА.

Типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о,

Пименовская ул., собств. домъ.

1897.

2-й экз.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

КНИГА I.

МОСКВА.

1897.

Начало скептического движенія въ Италіи.

The skeptics of the italian Renaissance.

I.

Есть цѣлая категорія умственныхъ движеній, которыя трудно причислить какъ къ историко-философскимъ, такъ и къ историко-литературнымъ явленіямъ. Гдѣ-нибудь въ отдаленномъ, заброшенномъ углу Европы или Азіи рождается мысль, вѣрнѣе—настроеніе, стремящееся прейти въ мысль. Съ изумительною быстротой это настроеніе охватываетъ все большія и большія массы людей, мѣняетъ ихъ жизнь, вызываетъ борьбу и вліяетъ въ концѣ концовъ на судьбы цѣлыхъ государствъ. Хронографы, монастырскіе лѣтописцы, просвѣщенные латинскою грамотностью епископы, словомъ, всѣ тѣ люди, которымъ мы обязаны знакомствомъ съ событіями тысячелѣтняго періода исторіи,—всѣ эти современники умственныхъ броженій, конечно, обращаютъ на нихъ вниманіе и стараются добросовѣстно дать потомкамъ отчетъ о нихъ. Что же они дѣлаютъ? Они излагаютъ тѣ ученія, которыя, повидимому, слѣжаютъ непосредственною причиною борьбы и важныхъ происшествій, вліяющихъ на судьбы народовъ. Но, вѣдь, главною силой была не доктрина, а настроеніе, можетъ быть еще и не успѣвшее, какъ слѣдуетъ, кристаллизироваться въ видѣ мысли,—слѣдовательно, толкомъ мы, все-таки, мало что будемъ знать о движеніи. Да и помимо того, излагать рядъ мыслей, еще не выработанныхъ, не установившихся, противорѣчащихъ другъ другу, въ высшей степени трудно даже при совершенно спокойномъ, критическомъ отношеніи къ нимъ со стороны излагающаго; а если принять во вниманіе почти всегда озлобленный, обличительный тонъ, который отличаетъ средневѣковыя лѣтописи въ мѣстахъ, посвященныхъ ересямъ и другимъ умственнымъ революціямъ,—то станетъ совершенно ясно, какъ мало и какъ неумѣло передано намъ о многочисленныхъ движеніяхъ перво-степенной исторической важности. Никто не станетъ спорить также, что то хаотическое смѣшеніе чужихъ и своихъ мыслей, которое лѣтописцы будутъ намъ выдавать за ученіе секты, никоимъ образомъ не можетъ стать предметомъ серьезнаго разсмотрѣнія со стороны историка философіи или исто-

рива литературы. Что касается новой исторіи, то она отличается выгодно отъ средневѣковой лишь въ томъ отношеніи, что здѣсь мы имѣемъ гораздо больше фактическихъ данныхъ и о движеніяхъ, и о доктринахъ. Но и здѣсь историкъ философіи дѣлать нечего. Главная сила доктринъ, вызывающихъ народныя броженія, заключается вовсе не въ ихъ внутренней убѣдительности и не въ ихъ логической красотѣ и не въ ихъ новизнѣ, а только въ томъ, насколько удачно онѣ служатъ внѣшнимъ выраженіямъ, вывѣской того настроенія, которое движетъ массами и волнуетъ ихъ. Изученіе всѣхъ идейныхъ народныхъ движеній—дѣло историка жизни этого народа, а не историка его философіи или литературы. Богомилская ересь вліяла на судьбы не только всего славянскаго міра, но и Европы, а попробуйте изложить философу богомиловъ, и вы увидите, насколько легче толковать объ убѣжденіяхъ самаго непослѣдовательнаго схоластика, чѣмъ знакомиться самому и знакомить другихъ съ этимъ собраніемъ поразительныхъ нелѣпостей и самыхъ фантастическихъ выдумокъ. Преслѣдованіе вѣдьмъ играло огромную роль во всей германской Европѣ и на Британскихъ островахъ, оно оставило отпечатокъ на всемъ строѣ мысли милліоновъ людей, а уловить хотя бы главныя черты теоретическаго обоснованія демонологіи такъ затруднительно, что, насколько мнѣ извѣстно, ни одинъ историкъ вѣдовства и вѣры въ нечистую силу не сдѣлалъ этого достаточно удовлетворительно *).

Вотъ примѣры, число которыхъ можно было бы легко умножить и которые показываютъ съ достаточной убѣдительностью, что весьма часто общенародныя широкія движенія имѣютъ такую ничтожную и неясную теоретическую подкладку, что не могутъ представить для исторіи философіи или исторіи литературы никакого интереса. Скептическая мысль въ Европѣ за свою многолѣтнюю жизнь прошла нѣсколько фазисовъ. Она зародилась чуть ли не въ одно время въ арабской Испаніи, въ Италиі и Южной Франціи—и, увлекаая массы народа, много вѣковъ существовала въ видѣ смутнаго, не выяснивагося съ достаточной опредѣленностью позыва. Она сразу стала *idée-force*; ее преслѣдовали, она боролась, но во всей своей полнотѣ со всѣми возможными логическими выводами, она долго не была охвачена людскимъ сознаниемъ. Наступило Возрожденіе, пришла реформація—и скептицизмъ въ геніальной головѣ Помпонаціи впервые получилъ теоретическое оправданіе и сталъ философскою системой. Со времени Помпонаціи, Джіордано Бруно и Ваніни скептицизмъ—уже не только стихійное умственное движеніе, но и опредѣленное философское и литературное направленіе. Такимъ образомъ, будучи сначала объектомъ изученія для историка Европы, скептическая мысль съ XVI вѣка становится уже интереснымъ явленіемъ и для историка европейской философіи (для историка литературы она важна

*) Ближе всѣхъ подходятъ къ рѣшенію этой задачи *Lesky* въ своей „History of the rise and influence of the spirit of Rationalism in Europe“ и *Maury* въ „Histoire de Magie“.

уже со времени Боккаччо). Исторія скептической мысли очень сложна и требует большой способности, со стороны занимающагося ею, обращаться съ тѣмъ хаотическимъ матеріаломъ, который находится въ его распоряженіи. Нужно всматриваться во все событія скептическаго движенія къ концѣ среднихъ вѣковъ, нужно разбирать все метафизическія ухищренія философскихъ трактатовъ XVI и XVII столѣтій—и все время не терять изъ виду одной, чисто-исторической точки зрѣнія, не забывать о той огромной социальной роли, которую сыгралъ скептицизмъ въ исторіи человечества и въ эволюціи культуры. Знакомство со всеми безъ исключенія открытыми первоисточниками и съ важнѣйшими явленіями въ области литературы предмета, умѣнье выставить въ яркомъ освѣщеніи все, повидимому, ничтожныя, а на самомъ дѣлѣ весьма важныя проявленія зарождающагося невѣрія въ римскій догматъ, правильная, строго-логическая классификація причинъ, подготовившихъ почву для процвѣтанія и усиленія европейскаго скептицизма, вотъ достоинства, которыя такъ рѣдко бываютъ совмѣщены въ историкѣ идейной жизни и которыя такъ необходимы для созданія истинно-научнаго труда въ этой области историческаго знанія.

Ученый, работѣ котораго посвящена эта статья, съ избыткомъ обладаетъ всеми перечисленными качествами. Джонъ Оуэнъ всю свою жизнь посвятилъ изученію исторіи скептической мысли, и, пожалуй, больше чѣмъ кто-либо содѣйствовалъ уясненію многихъ темныхъ вопросовъ и мало извѣстныхъ сторонъ движенія, которое привело къ освобожденію и торжеству свободной мысли. Изъ-подъ его пера вышла исторія скептицизма въ началѣ и въ срединѣ среднихъ вѣковъ (*Evenings with the skeptics*, 2 тома), исторія скептицизма во Франціи, многочисленные очерки и характеристики свободныхъ мыслителей всехъ вѣковъ и народовъ. Последнее изслѣдованіе Оуэна посвящено исторіи скептической мысли въ Италіи и называется *Скептики итальянскаго возрожденія*. Этотъ весьма обширный трудъ раздѣляется на двѣ главныя части: въ первой авторъ говоритъ о тѣхъ общихъ причинахъ, которыя подготовили въ Италіи такую благодарную почву для воспріятія свободныхъ идей, а во второй касается дѣятельности отдѣльных писателей, такъ или иначе помогавшихъ пропагандѣ скептицизма въ началѣ новаго времени. Капитальныя достоинства и мелкіе недостатки разсматриваемой книги лучше всего выяснятся, когда мы обратимся къ послѣдовательному разбору этихъ двухъ главныхъ ея частей.

II.

Когда мы говоримъ о зарожденіи скептической мысли, то поневолѣ должны часто смѣшивать понятіе о скептицизмѣ съ понятіемъ о свободомысліи, хотя бы и вполне понимали, что эти термины не тождественны. Но первоначальное робкое стремленіе по своему разсуждать объ ученіяхъ церкви до такой степени хронологически неразрывно связано съ конечнымъ недовѣріемъ къ римскому догмату, что отдѣлять одно отъ другого нѣтъ

никакой возможности. Оуэнъ, повидимому, держится того же мнѣнія и въ его книгѣ слово skepticism употребляется на-ряду съ выраженіемъ free-thought совершенно въ одномъ и томъ же смыслѣ; однако, еслибъ онъ оговорился въ началѣ своего труда о той существенной разницѣ, которая существуетъ между названными понятіями, то, можетъ быть, ему удалось бы избѣжать многихъ неясностей и недомолвокъ, выступающихъ, какъ увидимъ, особенно рѣзко, когда авторъ говоритъ о Данте и Петраркѣ.

Но если для четырнадцатаго вѣка эти понятія должны быть совершенно отдѣлены другъ отъ друга, то, повторяю, о XII и XIII столѣтіяхъ можно говорить какъ о времени зарожденія свободной мысли, которая по своему характеру была враждебно настроена противъ церковной доктрины и въ этомъ смыслѣ ничѣмъ не отличается отъ любого проявленія позднѣйшаго скептицизма. Какъ же создалась почва для этой свободной мысли? Первая часть труда Оуэна, отвѣчающая на этотъ вопросъ, составляетъ безспорно лучшую половину книги. По мнѣнію автора, цѣлая сѣть самыхъ разнообразныхъ обстоятельствъ играла здѣсь огромную роль. Если мы начнемъ классифицировать причины зарожденія скептицизма по степени ихъ «важности», то мы рискуемъ произвести не малую путаницу и все-таки не представить удовлетворительнаго отчета о безконечно-сложныхъ элементахъ средневѣковой жизни, сдѣлавшихъ возможными жизнь и развитіе скептической идеи въ Европѣ. Лучшее, что можетъ сдѣлать историкъ, имѣющій къ тому же крайне скудные матеріалы, это—не мудрствуя лукаво, перечислить всѣ обстоятельства, которыя по его мнѣнію обусловили начало борьбы человѣческой мысли съ Римомъ. Единственная правильная классификація причинъ можетъ быть основана на ихъ происхожденіи: скептическія вѣянія шли извнѣ, передавались итальянцамъ и французамъ другими народами и, рядомъ съ этимъ, мысль порывалась къ своему освобожденію сама, безъ постороннихъ вліяній, а эти порывы отражались въ народной литературѣ и народной философій и дѣйствовали на умъ и чувство окружающихъ.

Когда матеріальная сила властвуетъ надъ людьми безраздѣльно и когда большинство предано ей не только тѣломъ, но и душой, то оппозицію этой силѣ можетъ составить только другая, тоже матеріальная сила. Известно, что первый протестъ противъ папства раздался съ высоты трона. Ожесточенный споръ папы съ императоромъ, униженіе Генриха и гибель Гильдебранда—вотъ первыя проявленія этой оппозиціи въ концѣ среднихъ вѣковъ. Итальянское общество, со вниманіемъ слѣдившее за перипетіями этой борьбы, въ слѣдующую эпоху, во времена гвельфовъ и гибеллиновъ, уже ясно создало и обобщило мотивы вражды свѣтской власти къ духовной и раскололось на партіи. Политическіе враги папы нечувствительно становились вольнодумцами, потому что святой отецъ безъ устали проклиналъ ихъ и клеймилъ безбожниками,—а ихъ союзникъ императоръ въ свою очередь ругалъ папу и издѣвался надъ нимъ. Вся справедливость давно высказаннаго мнѣнія, что авторитетъ папы получилъ смертельный ударъ

во время борьбы съ имперіей,—особенно явственно выступает, когда мы разсматриваемъ событія первой половины XIII вѣка. Фридрихъ II уже имѣетъ подѣ собою вполне твердую и надежную почву какъ въ Германіи, такъ и въ Италіи. Въ безчисленныхъ памфлетахъ, которыми приверженцы императора осыпаютъ папу, много разъ съ проницательностью вопрошается: «Неужели намѣстникъ Христа долженъ обрызгивать своихъ противниковъ бѣшеной пѣной?» «Отчего папа такъ сердится, когда ему говорятъ, что у него незаконныя дѣти? Неужели онъ самъ признаетъ въ душѣ, что это правда?» и пр. Враждующія стороны обдавали другъ друга такой грязью, взводили другъ на друга такія нелѣпыя и ужасныя обвиненія, что даже при тогдашней нравственной небрежливости обществу становилось неловко и друзья папы поневолѣ призадумывались. Правда, здѣсь мы имѣемъ пока дѣло съ сомнѣніемъ въ личныхъ доблестяхъ папы, а не съ сомнѣніемъ въ истинности католическихъ ученій, но разъ вспугнутая и встревоженная мысль уже не успокаивалась, отъ одного порядка убѣжденій переходила къ другому и всюду производила свои опустошенія. А одновременно и въ томъ же направленіи подѣ зданіе римской теологіи подкапывались другія силы, которыя были неуловимы и неосязаемы, но тѣмъ опаснѣе для Рима и его ученій. Въ Испаніи жили магометане-арабы и частыя сношенія съ ними, какъ обстоятельно доказываетъ Оуэнъ, имѣли большое вліяніе на понятія итальянцевъ и жителей южной Франціи. Это вліяніе было двухъ родовъ: магометане учили христіанъ вѣротерпимости и спокойному любознательному отношенію къ чужой вѣрѣ, а также заносили уже прямо скептическія воззрѣнія, выросшія на почвѣ оппозиціи Корану и всецѣло примѣнявшіяся въ качествѣ боевого оружія противъ римскаго догматизма итальянскими свободными мыслителями. Сношенія съ магометанскимъ міромъ завязывались не только на западѣ отъ Италіи, но и на востокѣ. Отдаленныя страны Леванта, сначала бывшія объектомъ фантастическихъ легендъ и рассказовъ средневѣковыхъ паломниковъ, затѣмъ послужившія ареной многолѣтней борьбы крестоносцевъ съ сарацинами,—стали, наконецъ, начиная главнымъ образомъ съ XIII вѣка, почвой для оживленныхъ сношеній и торговаго обмѣна между аборигенами и католическимъ населеніемъ Средиземнаго побережья. Христіане знакомились съ чуждымъ міромъ, замѣчали всѣ его хорошія стороны, съ любопытствомъ присматривались къ религіи этихъ храбрыхъ воиновъ и честныхъ купцовъ и съ удивленіемъ сознавали себѣ, что если гнѣвъ Божій и тяготѣетъ надъ невѣрными, какъ утверждаетъ духовенство, то, во всякомъ случаѣ, это не очень замѣтно. Особенно сильное воспитательное значеніе имѣла въ данномъ случаѣ вѣротерпимость мусульманъ, которая не только царила въ дѣйствительности, но даже была возведена въ теорію. Равенство передъ Богомъ христіанъ, магометанъ и евреевъ впервые было выражено въ мусульманской легендѣ о трехъ кольцахъ, оставленныхъ однимъ отцомъ своимъ дѣтямъ, и до того похожихъ одно на другое, что никто не можетъ ихъ отличить и узнать гдѣ главное, истинное кольцо. Эта легенда перешла въ Европу, распѣвалась трубаду-

рами и дождалась трагическаго пересказа сначала со стороны Джіованни Боккаччіо, а потомъ Лессинга. Тысячи и тысячи крестоносцевъ, вернувшихся изъ Палестины, могли подтвердить, что магометане вѣротерпимы не только въ теоріи, но и на практикѣ. Разказы о Саладинѣ, о гостепріимныхъ шейхахъ, излѣчивающихъ раны плѣнныхъ христіанъ и отпускающихъ затѣмъ своихъ плѣнниковъ домой,—всѣ эти наскоро составленныя поэмы и повѣсти о восточныхъ народахъ перемѣшивали, конечно, небылицу съ былью,—но всѣ онѣ оставляли одинъ осадокъ въ сознаніи слушателей: «Можно молиться разнымъ Богамъ и не рѣзать другъ друга». Мало того, столкнувшись съ Востокомъ, европейцы были выбиты изъ умственной колеи: до сихъ поръ они знали, что всѣ—католики, а не-католиковъ, еретиковъ есть на свѣтѣ ничтожное количество. Теперь они во-очію убѣдились, что есть еще одна вѣра, которую надо сравнивать не съ ересью, а съ католицизмомъ, потому что она имѣетъ такую же огромную массу послѣдователей. Во время крестовыхъ походовъ эта другая вѣра торжествовала надъ религіей крестоносцевъ, а торжество матеріальной силы дѣйствуетъ импонирующимъ образомъ на людей и покультурнѣе средневѣковыхъ европейцевъ. Все убѣждало ихъ въ томъ, что этотъ особенный міръ имѣетъ свой фундаментъ, свою интересную и богатую содержаніемъ жизнь, что слишкомъ умны и сильны эти новые люди, и слишкомъ важна и сложна доктрина Пророка, и что назвать эту доктрину ересью—значить ничего не сказать и отдѣлываться словами. Хаосъ новыхъ мыслей и понятій ворвался въ умственный обиходъ европейцевъ съ возвращеніемъ крестоносцевъ и произвелъ тамъ полное замѣшательство. Конечно, это новое умственное теченіе, сочувственное магометанскому міру, было замѣчено не только родными и знакомыми крестоносцевъ, но и духовнымъ ихъ начальствомъ и всѣми хранителями и ревнителями чистоты церковныхъ преданій. Правовѣріе крестоносцевъ подвергается большимъ сомнѣніямъ и нареканіямъ, и даже въ болѣе позднюю эпоху обвиненіе въ тайной принадлежности къ мусульманству предъявляется къ ордену Тамплиеровъ со стороны Филиппа Красиваго, которому нужно было погубить рыцарей, чтобы овладѣть ихъ имуществомъ. Какъ бы ни было вздорно это обвиненіе само по себѣ, но ясно, что общественное сознаніе уже успѣло констатировать симпатію и влеченіе къ магометанскому міру тѣхъ лицъ, которыя особенно часто съ нимъ сталкивались. Какъ я уже упомянулъ, знакомство съ магометанами имѣло еще одно послѣдствіе—распространеніе скептическихъ ученій арабскихъ мыслителей. Къ сожалѣнію, Оуэнъ счелъ почему-то возможнымъ пройти почти совершенно мимо этой весьма важной стороны дѣла; еслибы онъ посвятилъ очерку арабской литературы въ десять разъ больше мѣста, чѣмъ это сдѣлано въ его книгѣ, то читатели только выиграли бы въ пониманіи дѣйствительныхъ причинъ итальянскаго скептицизма.

Въ арабской Испаніи пышнымъ цвѣтомъ цвѣла философія; не только терпимость общества и правительства, не только матеріальная обезпеченность многочисленнаго класса населенія, не только развитіе естественныхъ

наукъ и обиліе занесенныхъ съ Востока греческихъ манускриптовъ давали возможность и охоту предаваться умозрѣніямъ, но и чисто-случайное обстоятельство—появленіе цѣлой фаланги даровитыхъ, вдумчивыхъ людей, всецѣло отдавшихъ себя на разгадку тайны жизни,—содѣйствовало процвѣтанію арабской метафизики въ концѣ среднихъ вѣковъ. Аверроэсъ и Авиценна стоятъ во главѣ этой фаланги. Въ литературѣ высказывались мнѣнія *), сводившіяся къ тому, что въ сущности Аверроэсъ вовсе не такая звѣзда первой величины, какъ то думали схоластики XIV и XV столѣтій. Въ мою задачу не входитъ изложеніе содержанія философіи «великаго комментатора», потому что для меня тутъ главное—указать на огромное вліяніе, которымъ обязана европейская скептическая мысль арабскому философу, но съ мнѣніемъ хулителей Аверроэса согласиться трудно. Конечно, самостоятельнымъ творческимъ умомъ Аверроэсъ не обладалъ уже потому, что говорилъ о центральныхъ метафизическихъ проблемахъ только по поводу взглядовъ Аристотеля и, если не ошибаюсь, ни разу не рискнулъ пуститься въ философскія изысканія самъ, безъ провожатаго. Но, во-первыхъ, рамки аристотелевской философіи были такъ необъятно широки, что ограничить себя ими значило, въ сущности, не ограничивать себя вовсе, а во-вторыхъ—и постановка вопросовъ, и, въ большинствѣ случаевъ, рѣшенія ихъ были у Аверроэса далеко не тѣ, что у Аристотеля. Ученіе о единой міровой душѣ, съ которой сливаются души умершихъ, о смертности всякаго человѣческаго индивидуума,—это ученіе, которое, при всей своей метафизичности, непосредственно вело къ самымъ матеріалистическимъ построеніямъ, всецѣло принадлежитъ Аверроэсу и прямо враждебно какъ ученію Корана, такъ и римскому богословію. Аверроэсъ первый установилъ также то понятіе, за которымъ прятались чуть ли не всѣ свободные мыслители Италіи и которое, несмотря на заключающуюся въ немъ наивную хитрость, не мало способствовало выработкѣ идеи объ отличіи и отдѣленіи философіи отъ религіи: я говорю о такъ называемомъ понятіи «двоякой истины». Согласно доктринѣ Аверроэса, каждый вопросъ можно рѣшать двояко: или стоя на точкѣ зрѣнія философіи, или рассуждая на основаніи Корана. Первый отвѣтъ можетъ быть истиненъ, но будетъ отличаться отъ второго, даннаго Кораномъ. Однако, вѣдь Пророкъ лгать не можетъ, значить—и второй отвѣтъ тоже истиненъ. Такимъ образомъ и получилось двойное рѣшеніе одного и того же вопроса, получилась «двоякая истина». Аверроэсъ не признавалъ личнаго безсмертія, отвергалъ сотвореніе міра изъ ничего, однимъ актомъ воли Аллаха, и хотя говорилъ часто, что въ сущности онъ не расходится съ исламомъ, но ни этимъ голословнымъ оправданіемъ, ни своей «двоякой истиной» онъ никого не обманулъ, и въ концѣ жизни на него уже всѣ смотрѣли какъ на крайняго и опаснаго вольнодумца. Въ XIII и XIV столѣтіи возникли и усилились

*) См., наприм., *Lange*: „Histoire du matérialisme“. Т. I, p. 166 (Paris, 1877). Впрочемъ, послѣ монографіи Ренана „Averroès et l'averroïsme“ очеркъ Ланге ровно никакого значенія имѣть не можетъ.

торговья связи Италіи съ христіанской и арабской Испаніей. Главную роль въ торговомъ отношеніи играла Барселона, подчиненная христіанскому королю Хайме Арагонскому (Jaime el Conquistador), но рѣдкое итальянское судно не посѣщало послѣ Барселоны и остальныхъ городовъ средиземнаго побережья, находившихся еще во власти арабовъ. Еслибъ Оуэнъ вообще больше остановился на арабскомъ вліяніи, онъ нашелъ бы не мало любопытныхъ указаній на оживленность итальянской торговли съ Испаніей въ классическомъ трудѣ Кампани *). Помимо торговли, которая связывала Аппенинскій полуостровъ съ Пиринейскимъ крѣпкой и частой сѣтью самыхъ разнообразныхъ отношеній, были еще пути, по которымъ арабская мысль проникала въ Италію. Не надо забывать, что былъ въ XIII вѣкѣ цѣлый періодъ, когда свобода слова и вѣры царствовали въ обширной части Европы. На германскомъ престолѣ сидѣлъ Фридрихъ II. Никогда ни прежде, ни послѣ папству не приходилось имѣть дѣла съ болѣе опаснымъ для него носителемъ свѣтской власти. Императоръ былъ такъ безконечно хитеръ и ловокъ, такъ умѣлъ замстать за собою слѣды, былъ способенъ наносить когда исподтишка, а когда и открыто такіе страшные удары, что въ сравненіи съ нимъ Филиппъ Красивый, напримѣръ, можетъ назваться невиннымъ младенцемъ. Но императоръ Фридрихъ боролся не только съ папою; его война съ Римомъ была не только поединкомъ духовной и свѣтской властей, но и споромъ двухъ противоположныхъ міросозерцаній. Фридрихъ II былъ полнѣйшимъ индифферентистомъ въ дѣлѣ религіи, и на самую религію смотрѣлъ только какъ на точку опоры и сильное оружіе для своего врага; поэтому, въ увлеченіи борьбы съ папой, Фридрихъ пускалъ въ ходъ такіа средства, которыя поражали не только римскаго первосвященника, но и весь строй католическихъ ученій. Императоръ смолоду любилъ Востокъ и восточные народы; при его дворѣ было много и восточныхъ баядерокъ, и магометанскихъ ученыхъ, и еврейскихъ каббалистовъ,—и Фридрихъ съ одинаковымъ удовольствіемъ проводилъ часы досуга и съ первыми, и со вторыми, и съ третьими. Въ королевствѣ обѣихъ Сицилій, принадлежавшемъ императору, медицинскія и философскія каведры были заняты почти исключительно арабами и евреями,—и тысячи молодыхъ людей имѣли возможность вблизи отъ Рима поучаться аверроэсовской премудрости и выслушивать сравненія между христіанствомъ и іудействомъ не какъ между двумя религіями, а какъ между двумя философскими міровоззрѣніями. И не только арабскіе профессора шли къ христіанскимъ студентамъ, бывало и наоборотъ,—въ Кордову и Севилью отправлялись массами молодые люди, желавшіе дополнить свое образованіе въ самыхъ лабораторіяхъ тогдашней передовой мысли. Если мы прибавимъ еще, что трубадуры и здѣсь оставались вѣрны своему призванію и со многими другимъ умственнымъ багажомъ разносили также арабскія легенды и скептическія сужденія объ

*) *Antonio de Capmany*: „Memorias historicas sobre la marina, el commercio y las artes de la antigua ciudad de Barcelona“ (Barcelona, 1779). T. I и III passim.

Аллахъ, то для насъ станетъ ясно, какое тѣсное умственное общеніе между Италіей и Испаніей могло развиваться, если эти страны были соединены и торговлей, и академическими связями, и огромною массой странствующихъ пѣвцовъ, одинаково хорошо принимаемыхъ въ замкахъ и хижинахъ.

III.

Я выдѣлилъ всѣ причины зарожденія и развитія скептицизма, которые можно назвать внѣшними. Борьба папъ съ императорами и восточное вліяніе, шедшее какъ изъ Леванта, такъ и изъ Испаніи, — вотъ какія обстоятельства могущественно содѣйствовали подготовленію той духовной почвы, на которой развилась свободная скептическая мысль въ Италиі и Европѣ. О борьбѣ свѣтской власти съ духовной Оуэнъ не говоритъ ничего, а о восточномъ вліяніи очень мало и, кромѣ того, слишкомъ разбрасывается въ изложеніи: начавъ говорить объ арабской культурѣ, онъ вдругъ прерываетъ свой рассказъ и возобновляетъ его уже впоследствии, коснувшись секуляризаціи литературы. На за то главы, посвященныя зарожденію свободомыслія въ литературѣ, у него вполне безукоризненны и составляютъ безспорно главное украшеніе книги.

Всю ту эволюцію, которую переживаетъ южная романская литература въ концѣ среднихъ вѣковъ, всѣ измѣненія въ характерѣ ея содержанія и въ самой формѣ произведеній нашъ авторъ склоненъ обозначать однимъ выраженіемъ, подводитъ къ одному итогу: по его мнѣнію, въ это время совершилась *секуляризація литературы*. Что нужно понимать подъ этимъ непереводимымъ выраженіемъ? Литература стала свѣтской, перестала занимать исключительно религіозными сюжетами, объявила свое право на самостоятельную жизнь, сдѣлалась служительницей міра сего и выразительницей назрѣвающихъ людскихъ думъ о свободѣ и о протестѣ. Какая это должна быть свобода и противъ чего долженъ быть направленъ протестъ, объ этомъ не спрашивайте у поэтовъ и писателей XII и XIII вѣковъ; они еще не вполне отдали себѣ въ этомъ отчетъ и только полны безотчетной жизнерадостности, какъ будто кто-то уже сказалъ имъ, что, не взирая ни на что, будущее за ними.

Въ какой же формѣ проявилась прежде всего секуляризація литературы? Оуэнъ съ замѣчательнымъ остроуміемъ и проницательностью указываетъ прежде всего на средневѣковыя энциклопедіи, которыя до него не упоминались *никогдѣ* изъ историковъ свободной мысли. Эти энциклопедіи составлялись обыкновенно учеными монахами (а иногда и мірянами) и заключали въ себѣ «*omne scibile*», т.-е. все познаваемое, всю совокупность знаній. Легко себѣ представить, каковы были эти знанія и сколько поучительнаго давали энциклопедіи своимъ читателямъ. Разумѣется, первое мѣсто въ этихъ огромныхъ рукописныхъ фоліантахъ принадлежитъ подробнымъ разъясненіямъ природы дьявола и вообще нечистой силы, разска-

замъ о продѣлкахъ служителей сатаны, описаніямъ наружности центавровъ, драконовъ, огнедышащихъ гриффовъ и пр.

Далѣе идутъ свѣдѣнія о заговорахъ лихорадки, зубной боли, чахотки—и другія данныя изъ области теоретической и практической медицины. Немало мѣста посвящено также географическимъ повѣствованіямъ о жизни антиподовъ, о подводныхъ государствахъ и проч. Тутъ же, въ перемежку, и неизвѣстно для чего приводятся рядомъ выписки изъ Св. Писанія, изъ Цицерона, изъ Овидія, изъ твореній извѣстныхъ церковныхъ проповѣдниковъ, изъ пѣсней трубадуровъ. Весь этотъ беспорядочный хламъ и носилъ названіе энциклопедіи. И вотъ энциклопедіи начинаютъ нѣсколько измѣнять свой характеръ, начинаютъ секуляризоваться. Появляется извѣстная классификація о духовныхъ предметахъ, о церковныхъ апокрифахъ говорится особо, а о свѣтскихъ особо. Дѣлаются попытки разъясненія многихъ загадочныхъ матерій «отъ чистаго разума», безъ ссылокъ на св. отцовъ. Словомъ, наступленіе новой эпохи сказывается даже здѣсь, въ этихъ рудиментарныхъ сосудахъ средневѣковой премудрости. Но въ тѣ вѣка люди и не любили, и, въ большинствѣ случаевъ, не умѣли читать. Для удовлетворенія ихъ непритязательной любознательности существовали живыя энциклопедіи, которыя могли сообщить желающимъ поучаться все, что угодно, да еще къ тому же и въ стихахъ, съ пѣснями и струннымъ аккомпаниментомъ. Историческая роль голиардовъ и трубадуровъ теперь уже никѣмъ не оспаривается, но слишкомъ часто изъ-за провансальскихъ пѣвцовъ проходятъ мимо ихъ менѣе замѣтныхъ предшественниковъ.

Голиардамъ въ трудѣ Оуэна отведено довольно много мѣста, а та сводка всего относящагося къ нимъ матеріала, которую дѣлаетъ нашъ авторъ, даетъ очень любопытные результаты. Кто такіе по своему соціальному положенію были голиарды, мы не знаемъ. Тѣ писатели, которые утверждали, что голиарды—не что иное, какъ низшіе клирики,—основывались только на содержаніи оставшихся отъ нихъ пѣсенъ и на церковной латыни, которую легко можно распознать въ ихъ идіомѣ. Какъ бы ни были вѣски эти аргументы, все же, мнѣ кажется, осторожнѣе было бы оставить этотъ вопросъ открытымъ, по примѣру Оуэна и Бартоли. Голиарды появляются въ 11-мъ вѣкѣ, они извѣстны и тремъ слѣдующимъ столѣтіямъ, а въ концѣ 14-го вѣка о нихъ уже ничего не слышно. По образу своей жизни и по характеру занятій голиарды тѣсно примыкаютъ къ трубадурамъ. Они бродятъ по южной Франціи, по сѣверной и средней Италіи,—попадаются ихъ слѣды и на сѣверѣ Европы. Питаются они добровольною платой слушателей, почуютъ гдѣ придется и не прекращаютъ своихъ кочевокъ ни зимою, ни лѣтомъ. Найдя слушателей, они поютъ пѣсни и рассказываютъ сказки—и всегда содержаніе этихъ пѣсенъ и сказокъ одно и то же. Голиарды повѣствуютъ о страсти къ пьянству духовныхъ лицъ, объ ихъ неимоверномъ обжорствѣ, о монастырскихъ виновныхъ погребахъ, куда будто бы жирные патеры удаляются спасать свою душу. Они говорятъ и о далекомъ Римѣ, причемъ называютъ его нечистымъ го-

родомъ, полнымъ всякихъ безобразій и распутствъ. Впервые мы встрѣчаемъ въ поэзіи голіардовъ эпитетъ «Вавилонъ», примѣненный къ столицѣ папъ,—тотъ эпитетъ, который потомъ былъ такъ популяренъ въ пуританской Шотландіи. Фантастически перепутаны у голіардовъ обозначенія языческихъ боговъ съ названіями и именами, встрѣчающимися въ Евангеліи. По справедливому замѣчанію Оуэна, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ зарождающимся паганизмомъ, влеченіемъ къ классическому древнему язычеству, съ грѣховною симпатіей къ идолопоклонникамъ, въ которой такъ упрекали впослѣдствіи дѣятелей эпохи Возрожденія и которую не можетъ простить Ренессансу даже въ концѣ 19-го столѣтія австрійскій профессоръ Лудвигъ Пасторъ *). Папа, кардиналы, соборы—все это подвергается въ стихотвореніяхъ голіардовъ осмѣянію и даетъ поводъ къ нелѣпѣйшимъ пародіямъ, которыя, несмотря на всю свою вздорность, вѣроятно совершенно удовлетворяли вкусамъ зрителей и веселили простодушную публику. Голіарды относятся также развязно и къ ученію о чистилищѣ, объ адѣ и раѣ,—пародируютъ важнѣйшія католическія молитвы и вообще не признаютъ для себя, повидимому, ничего заповѣднаго, чего нельзя было бы касаться. Они исключительно заняты церковью и церковными дѣятелями, ни о чемъ другомъ не говорятъ и не выражаются иначе, какъ самою напыщенною, умышленно-неумѣстною проповѣдническою латынью. О вполне сознательномъ скептицизмѣ тутъ рѣчи еще быть не можетъ, но что голіарды имѣли большое вліяніе на массу общества своимъ отношеніемъ ко многимъ неприкосновеннымъ до нихъ предметамъ, что они приучали своихъ слушателей не бояться собственныхъ мыслей, это фактъ. Они не были протестантами въ широкомъ смыслѣ слова, носителями новыхъ человѣческихъ идеаловъ, какъ трубадуры,—они дѣлали гораздо меньшее дѣло и шли по болѣе узкимъ путямъ,—но ихъ долгое существованіе не прошло даромъ, и если не проложило, то расчистило дорогу другимъ родственнымъ теченіямъ мысли и другимъ пропагаторамъ.

IV.

Новый эволюціонный фазисъ литературы обыкновенно знаменуется измѣненіемъ въ основномъ характерѣ уже существующихъ литературныхъ формъ и возникновеніемъ новыхъ, и едва ли будетъ рискованно сказать, что именно эти новыя формы бываютъ наиболѣе характеристичны для переживаемой эволюціи. Поэзія трубадуровъ съ момента своего возникновенія не теряла свѣтскаго характера и по ней одной мы можемъ судить о главныхъ мотивахъ совершавшагося переворота. О провансальской поэзіи было писано очень много и объ ея происхожденіи не разъ спорили съ жаромъ и ожесточеніемъ. Многіе французскіе историки склонны видѣть въ ней цвѣтокъ, выросшій на чисто-національной французской почвѣ;

*) См. *Ludw. Pastor*: „Geschichte der Päpste“ (Innsbr 1887). T. I. Einleitung (...falsche, heidnische Renaissance).

Оуэнъ держится того мнѣнія (высказаннаго въ первый разъ, впрочемъ, не имъ, а Сисмонди), что поэзія трубадуровъ всецѣло обязана своимъ зарожденіемъ и характеромъ—арабскому вліянію и представляетъ собой сколокъ съ поэзіи испанскихъ и сицилійскихъ арабовъ. Въ лицѣ трубадуровъ мы видимъ уже въ полномъ смыслѣ слова свободныхъ мыслителей. Нашъ авторъ въ немногихъ словахъ превосходно опредѣляетъ истинную причину вражды церкви съ трубадурами: «церковь скоро стала подозрительно относиться къ духовной культурѣ, которая не имѣла ее своимъ источникомъ, не говорила церковнымъ языкомъ, не выражала церковныхъ мыслей, не принимала церковныхъ ученій и съ чувствомъ дружбы и симпатіи встрѣчалась евреями, турками, невѣрными и еретиками». Трубадуры не состояли въ прямой открытой враждѣ къ католической доктринѣ, но они игнорировали ее, а это было замѣтно и подозрительно, возбуждало злобу и побуждало къ гоненіямъ. Право жить и мыслить по своему, не справляясь съ господствующими воззрѣніями—вотъ что сознательно проповѣдывали трубадуры; отвращеніе къ аскетизму и ученію о жизненномъ покаяніи—вотъ что безотчетно, можетъ быть, проводилось ими въ ихъ пѣсняхъ, поэмахъ и аллегоріяхъ. Ихъ веселая, молодая жизнерадостная поэзія звучала диссонансомъ среди мрачной, уже отживающей, но все еще сильной дѣйствительности. А что дѣйствительность была сильна,—это несчастный Провансъ испыталъ на собственномъ опытѣ. Тотъ крестовый походъ, который разорилъ южную Францію и погубилъ массу ея невинныхъ обитателей,—былъ направленъ столько же противъ катаристовъ и манихеевъ, сколько противъ общаго духа, проникавшаго умственную жизнь этой страны.

Послѣ этого страшнаго дѣла папы, трубадуры стали уже въ иное положеніе по отношенію къ Риму; они сдѣлались прямыми обличителями всѣхъ пороковъ и злодѣйствъ папской курии. Большинство странствующихъ пѣвцовъ должно было удалиться изъ своего отечества; они разбрелись по всей Европѣ, распространяя всюду новыя идеи и сѣя злобу противъ притѣснителей. Ихъ любили и принимали всѣ, какъ бѣдные, такъ и богатые—и въ тѣ времена отсутствія прессы они замѣняли собой періодическую печать. Какъ популяризаторы новаго, нарождающагося строя мысли, трубадуры не имѣютъ соперниковъ. Голіарды были только обличителями грѣшковъ католическаго духовенства и фривольными сатириками, упражнявшими свое перѣдко весьма дешевое остроуміе надъ религіозными предметами; а въ лицѣ трубадуровъ мы видимъ если не творцовъ, то проводниковъ и провозвѣстниковъ новаго умственнаго и общественнаго уклада, приверженцевъ положительнаго идеала, которому суждено было недалекое торжество. Оуэнъ склоненъ придавать трубадурамъ еще и значеніе реформаторовъ итальянскаго языка и стиля, говорить, что безъ нихъ появленіе Данта, Петрарки и Боккаччіо было бы невозможностью.

Иностранцу трудно имѣть свое самостоятельное мнѣніе въ этомъ сложномъ вопросѣ исторической филологіи; но такъ какъ Оуэнъ рѣшительно

ничѣмъ не подтверждаетъ своего положенія, то давнишнее мнѣніе авторитетнаго знатока итальянской литературы Паоло Джудичи остается непоколебимымъ, а согласно съ этимъ мнѣніемъ провансальскіе трубадуры не имѣли ни малѣйшаго вліянія на выработку итальянскаго языка *).

Какъ бы то ни было, трубадуры сдѣлали дѣло первостепенной исторической важности, и ихъ пѣсни заслуживаютъ того, чтобы съ нихъ начинали изученіе Ренессанса. Далѣе къ популяризаторамъ свободной мысли въ XII и XIII столѣтіяхъ Оуэнъ причисляетъ дѣятелей народнаго театра, на подмосткахъ котораго разыгрывались такъ называемыя мистеріи. Мистеріями въ средніе вѣка назывались, какъ извѣстно, драматическія представленія, сюжеты для которыхъ авторы брали изъ Священнаго Писанія, изъ апокрифовъ и церковныхъ преданій. Эти мистеріи держались очень долго, и ихъ слѣды остались въ Западной Европѣ чуть ли не до XVIII столѣтія. Въ то переходное время, которое непосредственно предшествовало эпохѣ Возрожденія, мистеріи, подчиняясь вторгшимся въ духовный обиходъ романскихъ народовъ новымъ элементамъ, измѣняютъ свой характеръ: во-первыхъ, къ религіознымъ сюжетамъ начинаютъ примѣшиваться картины и образы древняго классическаго міра, причемъ Богъ называется безразлично то Саваоомъ, то Юпитеромъ; адъ является подъ именемъ Тартара и проч. Во-вторыхъ, въ отношеніи авторовъ къ произведеніямъ своей фантазіи замѣчается новая и очень любопытная черта: прежде человѣкъ, который составлялъ мистеріи, считалъ себя чѣмъ-то вродѣ священнослужителя и свою роль полагалъ только въ томъ, чтобы сообщать діалогическую форму сказаніямъ Ветхаго и Новаго Завѣтовъ. Теперь авторы мистерій выступаютъ на путь болѣе самостоятельнаго творчества: Сатана, бесѣдуя съ ангелами, уже не терпитъ постыдныхъ поражений къ полному удовольствію публики, а иногда и озадачиваетъ своихъ оппонентовъ неожиданными оборотами мысли и курьезнѣйшими вопросами; святой Петръ, сидя у дверей рая, вступаетъ въ препирательства съ подходящими къ нему грѣшниками, и во время этихъ споровъ грѣшники доказываютъ ему, что они гораздо чище и праведнѣе его; монахъ ловитъ чорта у себя въ бородѣ, и чортъ заводитъ съ нимъ диспутъ о добрѣ и злѣ, о происхожденіи зла, о томъ, почему Богъ терпитъ зло на землѣ. Монахъ отвѣчаетъ чорту изъ катехизиса, а чортъ послѣдовательно старается опровергнуть всѣ возраженія. Мистеріи принимаютъ болѣе свѣтскій характеръ и все чаще и чаще наполняются фривольнѣйшими выходками противъ высшаго клира и, что еще важнѣе, противъ нѣкоторыхъ пунктовъ римскихъ ученій. Впрочемъ, роль ихъ заключалась не въ выработкѣ новыхъ воззрѣній, а въ популяризаціи болѣе свободнаго отношенія къ Риму, и эту роль мистеріи переходнаго времени исполнили съ несомнѣннымъ успѣхомъ.

Наконецъ, по мнѣнію Оуэна, въ распространеніи свободомыслія повин-

*) См. Opere di Paolo Emiliani-Giudici, volume primo, Storia della letteratura italiana, lezione seconda p. 56 и слѣд. (Firenze, 1865).

по отчасти также оживленіе интереса къ классической древности, замѣтное уже въ XII и XIII вѣкахъ. Аргументы, которыми подкрѣпляетъ Оуэнъ свое мнѣніе, къ сожалѣнію, не такъ ясны и понятны, какъ того можно было бы пожелать. Авторъ говоритъ очень много о томъ, что воспоминаніе объ отошедшемъ въ вѣчность античномъ мірѣ продолжало существовать въ теченіе среднихъ вѣковъ. Это такъ, но вѣдь противъ этого никто и не спорить. Далѣе Оуэнъ утверждаетъ, что классицизмъ сильно развился въ XII и XIII вѣкахъ, и приводитъ многочисленныя доказательства справедливости своего мнѣнія. И это такъ. Но вѣдь дѣло не въ томъ, что классицизмъ былъ, а въ томъ, содѣйствовалъ или не содѣйствовалъ онъ скептическому движенію мысли. И Оуэнъ не находитъ другихъ доказательствъ въ пользу своего тезиса, какъ то, что фривольныя мистеріи исполнялись на латинскомъ языкѣ и что епископамъ и вообще клирикамъ было нѣкоторое время запрещено читать римскихъ авторовъ! Первый аргументъ падаетъ самъ собою, если только мы вспомнимъ, что рѣчь идетъ не о роли латинскаго языка, а о значеніи классической древности въ разсматриваемый періодъ; что же касается до второго аргумента о запрещеніи епископамъ читать классиковъ, то и онъ ничего не доказываетъ, потому что вѣдь папская курія не позволяла читать даже Ветхій Завѣтъ, а между тѣмъ Оуэнъ не станеть, конечно, упрекать Библію въ скептицизмъ. Впрочемъ, нашъ авторъ самъ, повидимому, помѣстилъ главу объ оживленіи классическихъ занятій (*Revival of classical studies*) только для желаемой имъ «полноты», такъ какъ на протяженіи всей книги ни разу уже не возвращается къ высказанному въ этой главѣ сужденію.

Итакъ, борьба императоровъ съ Римомъ, магометанское вліяніе, поэзія голиардовъ и трубадуровъ, мистеріи и сценическія полусвѣтскія, полурелигіозныя представленія—вотъ тѣ разнообразныя вліянія, среди которыхъ зародилось, выросло и окрѣпло оппозиціонное движеніе передового европейскаго общества противъ католическихъ формъ.

Теперь намъ нужно разсмотрѣть въ частности, противъ какихъ же именно принциповъ и идей римскаго католицизма направилась эта новая сила, съ чѣмъ она прежде всего вступила въ борьбу.

У.

По всемірно-историческому закону реакціи, общество стало во враждебныя отношенія прежде всего къ тому, что играло у него первую роль непосредственно до этого времени, чему всѣ поклонялись безпрекословно и благоговѣнно. Нѣкоторыя части католическаго строя идей особенно культивировались въ средніе вѣка, и эти - то части раньше всего были покинуты и подверглись нападкамъ общественнаго мнѣнія. Оуэнъ превосходно классифицируетъ эту скептическую реакцію. По его словамъ, мы имѣемъ тутъ дѣло съ реакціей: а) противъ церковной догмы, 2) противъ аскетизма, 3) противъ излишняго развитія и значенія духовенства (*reaction against*

sacerdotalism), 4) противъ тѣхъ извращеній евангельскихъ ученій, которыя допустилъ Римъ, именно противъ слишкомъ матеріальнаго, земнаго пониманія этихъ ученій и противъ преобладанія у духовенства чисто-матеріальныхъ вожделѣній надъ болѣе высокими помыслами. Такъ ясно и строго-логично еще никто не расчленялъ результатовъ освободительнаго движенія въ концѣ среднихъ вѣковъ. Тутъ нельзя ничего ни убавить, ни прибавить, и эта часть труда Оуэна особенно оригинальна и цѣнна, тѣмъ болѣе, что при ближайшемъ разсмотрѣніи мы убѣждаемся, до какой степени естественно, безъ натяжекъ, распредѣляются между указанными категоріями всѣ факты тогдашней жизни и литературы, какіе вообще такъ или иначе можно приписать къ знаменіямъ своего времени.

Католическая церковь успѣла за тысячу лѣтъ своего духовнаго главенства въ Европѣ создать цѣлую теологическую метафизику и окружить каждое положеніе, каждое слово Евангелія цѣлою сѣтью схоластическихъ интерпретацій. Эти-то безчисленные надстройки надъ христіанскою доктриной Оуэнъ и называетъ церковною догмой. Средневѣковые клирики считали себя вправѣ и въ силахъ разрѣшать самыя трудныя и необычайныя вопросы и дѣлали это, конечно, совершенно произвольно даже съ своей точки зрѣнія, такъ какъ весьма часто ихъ сужденія не имѣли подъ собой никакой опоры ни въ Евангеліи, ни въ постановленіяхъ соборовъ. Они доктринально толковали объ атрибутахъ власти и наружности Божества, о функціяхъ всѣхъ ангеловъ вообще и cadaго въ частности, о степеняхъ адскихъ наказаній.

Оппозиція противъ этихъ произвольныхъ открытій духовенства началась съ вопроса: «откуда вы все это знаете?» Этотъ вопросъ былъ косвенно предлагаемъ зарождавшимся освободительнымъ теченіемъ литературы и, конечно, остался безъ отвѣта. Тогда пошли въ ходъ язвительныя пародіи и насмѣшки въ духѣ Лунджи Пульчи. Запутанныя схоластическія проблемы церковнаго характера начали обсуждаться въ діалогахъ между балаганнымъ Пьерро и его сподвижниками; воззрѣнія ученыхъ монаховъ стали подвергаться и въ стихахъ, и въ прозѣ самымъ невозможнымъ, умышленно-вздорнымъ толкованіямъ. Здѣсь прежде всего сказалось отвращеніе къ метафизикѣ и схоластикѣ, и желаніе поскорѣе выйти на чистый воздухъ и вернуться къ жизни и природѣ. Еще сильнѣе это желаніе выразилось въ другой реакціи, — въ реакціи противъ аскетизма. Что аскетизмъ не былъ созданіемъ церкви, что онъ всецѣло вытекъ изъ нравственныхъ потребностей средневѣковаго человѣка, это — фактъ безусловно достовѣрный, и Оуэнъ напрасно приписываетъ аскетическую мораль теологіи. Достаточно вѣдь вспомнить, съ какимъ недоумѣніемъ и недовѣріемъ встрѣтила церковь появленіе монастырей и монашества, достаточно знать, насколько самостоятельно отъ всякихъ церковныхъ вліяній развивались удаленія въ пустыню, самоистязанія и проч., чтобы безусловно признать полную самобытность и оригинальность аскетизма. Правда, уже въ послѣдствіи римское духовенство поняло, какая огромная нравственная сила заклю-

чается въ обаяніи, производимомъ аскетами на толпу, и оно постаралось воспользоваться этою силой въ своихъ интересахъ, но *создать* аскетизмъ церковь не могла, потому что аскетизмъ прежде всего — чувство. Теологи потомъ уже постарались дать теоретическое обоснованіе аскетическимъ подвигамъ, и реакція направилась именно противъ этихъ метафизическихъ построеній, но аскетическое чувство продолжало жить и въ XII, и въ XIII, и въ XIV вѣкахъ, и дальше, и врядъ ли совершенно исчезло и теперь. Возрождающееся духомъ европейское общество было болѣе всего враждебно настроено противъ аскетизма и его богословскихъ оправданій. Одни протестовали противъ него во имя формулы: «вѣра безъ дѣла мертва», — другіе, и такихъ было большинство, — просто отвергали аскетизмъ, потому что имъ хотѣлось наслаждаться природой, любовью, — всѣми удовольствіями жизни съ спокойнымъ сердцемъ, а аскетическая мораль говорила, что *наслажденіе грѣховно уже потому, что оно — наслажденіе*. Обществу такъ страшно надоѣла эта формула, она такъ его измучила и такъ долго отравляла ему существованіе, что теперь оно прежде всего отвернулось отъ аскетизма и, съ обычнымъ гнѣвомъ ренегата на свои собственные заблужденія, принялось бравить и обличать всѣхъ оставшихся вѣрными доктринамъ самоистязанія во славу Бога. Аскетизмъ былъ тѣсно связанъ съ глухимъ обскурантизмомъ и суевѣріемъ, которые такъ ревностно были поддерживаемы и высшимъ, и низшимъ клиромъ и въ рассматриваемую эпоху нападенія на аскетическое міровоззрѣніе перемѣшивались съ нападеніями на темноту и невѣжественность церковныхъ руководителей народа. Эти обличенія священнослужителей прямо приводятъ насъ къ вопросу о реакціи противъ духовенства или, какъ выражается Оуэнъ, противъ жреческаго класса.

VI.

Когда въ обществѣ еще не вполне выработались положительные идеалы, а отрицательные успѣли ясно обозначиться, то всегда борьба со старыми понятіями затягивается и обостряется. Такъ было и въ переходное время, предшествовавшее Ренессансу. Но малая культурность тогдашняго общества сама указывала ту форму, въ которую должна была отлиться умственная оппозиція: чтобъ удары выходили дѣйствительнѣе, чтобъ идейная война была интересна для всѣхъ, требовались не диспуты, а поединки и турниры, — не споръ съ ученіями, а шельмованіе людей, олицетворявшихъ въ себѣ эти ученія. Такими людьми были клирики, и на нихъ-то обрушилось тяжеловѣсное остроуміе и филиппики дѣятелей литературы. Мы уже видѣли, что голіарды избрали осмѣиваніе духовенства своею спеціальностью, что въ мистеріяхъ клиру также часто приходилось плохо. Но чѣмъ ближе къ эпохѣ Возрожденія, тѣмъ чаще духовенство фигурируетъ въ качествѣ подсудимаго, тѣмъ развязнѣе и оскорбительнѣе о немъ отзываются, и тѣмъ рѣшительнѣе отвергается всякій его авторитетъ даже въ чисто-церковныхъ

дѣлахъ. Въ средніе вѣка духовенство заправляло буквально всѣмъ и вмѣшивалось во все. Оно брало на себя такую массу практическаго дѣла и такъ часто приходило въ соприкосновеніе съ свѣтскими людьми по чисто-мірскимъ поводамъ, что его этика подвергалась большимъ искушеніямъ и всѣ его дѣйствія были на виду. Изъ подобныхъ обстоятельствъ выходило лишь то, что этика не выдерживала испытаній, а бывшія у всѣхъ на виду дѣйствія лучше всякихъ словъ уличали духовенство въ грѣхопаденіяхъ. И разительный контрастъ между словомъ и дѣломъ здѣсь особенно бросался въ глаза. Постоянно проповѣдуя мораль и воздержаніе, клирики чревоугодничали, пьянствовали и заводили любовныя интриги; служитель ученія Христа о милосердіи, всепрощеніи и общемъ братствѣ людей, папа, устраивалъ крестовыя походы противъ альбигойцевъ, благословлялъ массовыя избіенія еретиковъ, магометанъ и евреевъ; монастыри, основанные нѣкогда съ цѣлью дать людямъ, желающимъ уйти отъ грѣховъ, возможность сдѣлать это,—тѣ самые монастыри сдѣлались мѣстомъ безпечальной жизни для нѣсколькихъ сотенъ тысячъ монаховъ, которые посвящали флирту и кутежамъ свои безконечныя досуги. Наконецъ, римскіе первосвященники часто переступали границы не только правилъ морали, обязательныхъ для порядочнаго человѣка, но и правилъ общежитія, обозначенныхъ въ уголовномъ кодексѣ. Они ругали германскихъ императоровъ непотребными словами, а когда это не помогло, устраивали подлоги, безстыдные до наивности, поддѣлывали императорскіе манифесты и рескрипты, взводили на своихъ вѣчныхъ враговъ нелѣпыя и явно недобросовѣстные обвиненія. Отъ имени Фридриха II, напримѣръ, папа распространялъ глупѣйшій пасквиль, наполненный отвратительными богохульствами; этотъ пасквиль папа выдавалъ за произведеніе императора, съ цѣлью вооружить противъ него подданныхъ. Кромѣ продѣлокъ, вызывавшихся полемическою необходимостью, римскіе первосвященники попадались и въ очень подозрительныхъ финансовыхъ операціяхъ, и въ дипломатическихъ дѣйствіяхъ такого сорта, что они озадачили бы даже столь мало конфузливаго человѣка, какъ Талейранъ. И папы, и кардиналы, и патеры, и монахи—всѣ дѣйствовали притомъ слишкомъ открыто и развязно, такъ что когда началась реакція противъ преобладанія духовенства, то ея дѣятелямъ ничего не стоило обличать вкльръ даже въ томъ, въ чемъ онъ не былъ повиненъ; общество охотно вѣрило всему и съ сочувствіемъ относилось къ людямъ, поставившимъ своею цѣлью осмѣивать того собирательнаго патера Пеккави* *), который въ эту эпоху является настоящимъ козломъ отпущенія. Лучшимъ по ѣдкости и остроумію выходокъ, и по талантливости изложенія образчикомъ обличительной поэзіи этого рода служить знаменитое «Morgante Maggiore» Пульчи, но оно относится уже къ болѣе поздней эпохѣ.

Что касается до реакціи противъ извращенія католичествомъ доктрины Христа, то Оуэнъ подраздѣляетъ еще эту реакцію, такъ какъ самое из-

*) Рессаві—согрѣшилъ.

вращеніе христіанства въ средніе вѣка сводить къ четыремъ категоріямъ. По его мнѣнію, это извращеніе шло 1) въ сторону крайняго супранатурализма, 2) въ сторону того, что онъ называетъ *excessive Christology*, 3) въ сторону грубо-матеріальнаго пониманія христіанскаго ученія, 4) въ сторону извлеченія изъ религіи денежныхъ выгодъ для духовенства. Оуэнъ говоритъ, что духовенство расплодило массу суевѣрій и оккультистическихъ выдумокъ и сдѣлало столь простую для пониманія доктрину сложной и таинственной. Это произошло отъ слишкомъ буквальныхъ толкованій нѣкоторыхъ мѣстъ Евангелія, отъ того «матеріализма», который былъ внесенъ въ интерпретацію Св. Писанія. Наконецъ, догматъ о безсмертіи души, о страшномъ судѣ, ученіе о власти вязать и рѣшить,—все это дало поводъ духовенству своекорыстно торговать спасеніемъ душъ и извлекать выгоды чисто-земного свойства какъ разъ изъ такихъ далекихъ отъ всего земного частей христіанскаго ученія. Таковы были уклоненія отъ евангельскихъ истинъ, имѣвшія мѣсто въ средніе вѣка, и, по мнѣнію Оуэна, эти уклоненія и вызвали противъ себя особенно сильный протестъ. Что касается до «*excessive Christology*», то нашъ авторъ, кажется, впалъ въ хронологическую ошибку. Реакція противъ церковной тенденціи о преобладаніи Христа надъ другими членами Св. Троицы наступила позднѣе, уже въ реформаціонную эпоху, и эта реакція противъ христологіи была доведена до максимума въ ученіи пуританъ, а въ XII, XIII и XIV вѣкѣ христологія никакихъ протестовъ не вызывала, и весьма понятно, почему Оуэнъ не приводитъ ни одного факта въ защиту своего мнѣнія: такихъ фактовъ въ Италіи онъ не могъ бы собрать не только въ рассматриваемую переходную эпоху, но и во времена полного расцвѣта гуманизма и Ренессанса.

Итакъ, вотъ на что направила вся сила зародившейся скептической мысли. Она еще не касалась главныхъ основъ католицизма; борьба шла преимущественно съ тѣми сторонами римской теологіи, которыя казались антисоціальными, несогласными съ правильнымъ народнымъ развитіемъ и дававшими ненормально-большое значеніе въ національной жизни католическому духовенству. До самаго конца XV столѣтія сомнѣніе не принимало широкаго философскаго характера и только въ лицѣ Помпонацци рационализмъ получилъ въ Италіи теоретическаго поборника. Вся рассмотрѣнная часть работы Оуэна превосходно выясняетъ и духовную атмосферу, и основной характеръ итальянскаго скептицизма въ первоначальную, раннюю эпоху его существованія, и тѣ мелкія погрѣшности, которыя я имѣлъ случай указать, такъ ничтожны, что ничуть не вредятъ общему впечатлѣнію замѣчательной ясности изложенія и полноты содержанія, впечатлѣнію глубокой продуманности основныхъ тезисовъ и строгой научности труда англійскаго историка. Къ сожалѣнію, вторая часть значительно уступаетъ первой по своимъ внутреннимъ достоинствамъ. Эта часть заключаетъ въ себѣ рядъ очерковъ, посвященныхъ отдѣльнымъ личностямъ, которые, по мнѣнію нашего автора, являются прямыми предшественниками Помпонацци

въ исторіи итальянскаго скептицизма. Такихъ лицъ онъ насчитываетъ полдюжины, half-dozen, и во главѣ списка помѣщаетъ Данте и Петрарку. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ нѣскольکو странной сбивчивостью въ понятіяхъ, свойственною многимъ историкамъ Возрожденія. Что означаютъ слова: скептическое направленіе мысли въ примѣненіи къ эпохѣ Возрожденія? Казалось бы, въ данномъ случаѣ эти слова должны означать то же, что и въ приложеніи ко всякой другой исторической эпохѣ. Скептикомъ въ дѣлѣ вѣры называется человѣкъ, подвергающій сомнѣнію тѣ религіозныя догматы и вѣрованія, которые царятъ или въ той странѣ, гдѣ ему приходится жить и дѣйствовать, или даже во всемъ современномъ ему мірѣ. Никто никогда не называлъ скептикомъ Савонаролу только потому, что ему не нравились мошенничества тогдашняго духовенства; не примѣнялось это названіе и къ кальвинистамъ, громившихъ «римскую блудницу», не примѣнялось и къ членамъ безчисленныхъ религіозныхъ сектъ, дѣлившихъ между собою нѣкогда всю Европу. И у Савонаролы, и у кальвинистовъ, и у сектаторовъ было отрицаніе, и отрицаніе сильное и гнѣвное. Савонарола отрицалъ ворующихъ и безпутныхъ прелатовъ, но никогда не сомнѣвался въ истинности католической религіи; кальвинисты отрицали католическую религію, но не сомнѣвались въ непорочности и правотѣ своей доктрины; секты могли отрицать и католицизмъ, и кальвинизмъ, но слѣпо вѣрили каждая въ святость своего ученія. Отрицаніе Савонаролы было уже, отрицаніе Джона Нокса можетъ быть шире, отрицаніе социніанъ еще шире,—но одно качество характеризуетъ всѣхъ этихъ людей: беззавѣтная вѣра въ то религіозное построеніе, которое каждый изъ нихъ исповѣдывалъ. Скептиками они не были и никто и не думаетъ ихъ такъ называть. Если теперь мы обратимся къ литературѣ, касающейся исторіи Ренессанса, то нерѣдко у самыхъ выдающихся авторовъ замѣтимъ какую-то непостижимую готовность иногда при помощи явныхъ натяжекъ причислять къ скептикамъ такихъ людей, которые не имѣютъ на это названіе никакого права.

Возвратимся къ Оуэну. Говоря о Данте и Петраркѣ, онъ силится доказать, что авторы Божественной комедіи и *Canzoniere* вправѣ занять мѣсто между скептиками ранняго возрожденія. Оуэнъ разбираетъ поэтовъ съ придиричивостью, достойной самаго ревностнаго инквизитора, выписываетъ отдѣльные стихи, иногда даже части стиховъ, которые кажутся ему пригодными для его цѣли,—и въ концѣ концовъ его аргументація оказывается положительно неубѣдительною, его сужденія голословными и—все начало второй части совершенно неидущимъ къ дѣлу и портящимъ эту превосходную книгу. Если Данте причастенъ скептическому движенію,—то кто же тогда можетъ назваться ортодоксально вѣрующимъ? Данте говорилъ, что съ людьми, идущими противъ общепринятыхъ воззрѣній нужно бороться не доводами, а мечемъ; Данте говорилъ, что если кто не приходитъ къ истинѣ (совпадающей для него съ религіозною догмою),—то исключительно потому, что у него не хватаетъ на это умѣнья; Данте отводилъ всѣмъ безъ разбора еретикамъ самое отвратительное помѣщеніе въ своемъ «Аду»; на-

конецъ, зачѣмъ выбирать и отмѣчать отдѣльныя черты, хотя бы и характерныя? Всею своею *Divina Commoedia* Данте пропѣлъ благоговѣйный гимнъ циклу господствовавшихъ взглядовъ и понятій, и противъ этой очевидности не идетъ даже Оуэнъ. Онъ видитъ всю шаткость и слабость избранной имъ позиціи и обращается къ той сторонѣ дѣла, которая болѣе туманна и расплывчива и поэтому болѣе поддается произвольнымъ толкованіямъ: если самъ Данте и не можетъ быть названъ вполне положительнымъ скептикомъ, то косвенно его произведенія могли оказать воздѣйствіе на поступательный ходъ скептического движенія въ Италіи. Доказательства, которыя Оуэнъ приводитъ въ подтвержденіе своихъ словъ, кажутся мнѣ неубѣдительными. Если Данте не былъ скептикомъ, если въ его произведеніяхъ нѣтъ и тѣни религіознаго сомнѣнія, то я отказываюсь понимать, какимъ образомъ онъ могъ даже косвенно содѣйствовать побѣдѣ скепсиса надъ умами современниковъ или потомковъ. Оуэнъ приводитъ девять выдержекъ изъ Данте, каждая въ 3—4 строки (всего три нѣсколько больше). Эти выдержки заключаютъ въ себѣ мысли, которыя не могутъ ни на кого вліять ни въ какомъ направленіи, особенно въ скептическомъ. Говорится здѣсь объ умѣ и глупости (въ обыденномъ житейскомъ значеніи), о вѣрѣ въ противоположности съ «*eretica nequizia*» о свойствахъ нашего интеллекта. И кромѣ этихъ безцвѣтныхъ стиховъ у Данте, даже по мнѣнію Оуэна, нѣтъ основаній для того, чтобы считаться предшественникомъ Помпонаци! Прибавимъ, что эти стихи разбросаны по всему огромному произведенію итальянскаго поэта, что имъ предшествуютъ и за ними слѣдуютъ цѣлыя десятки страницъ, которыя дышатъ самымъ неподдѣльнымъ піэтизмомъ и вѣрою. Трудно себѣ представить человѣка 14 или 15 столѣтія, которому пришло бы въ голову выписать изъ Божественной комедіи всѣ девять мѣстъ, указанныхъ впоследствии Оуэномъ, и затѣмъ отравиться содержащимся въ нихъ скептическимъ ядомъ. Если ужъ говорить о косвенномъ вліяніи литературнаго произведенія на измѣненіе вѣрованій читателя, то нужно имѣть въ виду тотъ общій духъ, который проникаетъ все произведеніе, а вовсе не отдѣльные стихи и строчки, особенно столь невинные, какъ тѣ, что приводитъ намъ авторъ. *Божественная комедія* дѣйствительно оказала на умы воздѣйствіе, но совсѣмъ въ другомъ отношеніи: благодаря своей прелестной формѣ, еще и теперь чарующей даже иностраннаго читателя и дѣйствующей на фантазію,—эта поэма только укрѣпляла и культивировала въ умахъ общества вѣру въ то міросозерцаніе, противъ котораго боролся Помпонаци и люди, которые дѣйствительно могутъ быть названы его предшественниками.

Слѣдующимъ въ спискѣ «главныхъ вождей» (*general leaders*) скептического движенія поименованъ Петрарка. У Петрарки есть почти такъ же мало права называться скептикомъ, какъ и у Данте. Петрарка въ одномъ изъ своихъ трактатовъ (*De otio religioso*) прямо говоритъ, что монастырская жизнь пригодна для борьбы съ побужденіями грѣховной плоти и для побѣды надъ *религіозными сомнѣніями*. Въ этомъ же трактатѣ содержатся цвѣты обличительнаго краснорѣчія Петрарки: поэтъ доказываетъ, употребляя

при этомъ весьма энергичныя выраженія, что язычники, магометане и вообще еретики грубо и гнусно заблуждаются. Не довольствуясь этими обличеніями Петрарка обращается къ тѣнямъ античныхъ писателей и приглашаетъ ихъ поучиться истинѣ у папскаго Рима *). Подобныхъ цитатъ, доказывающихъ неоспоримо ортодоксальность убѣжденій Петрарки, можно было бы привести весьма много. Упомяну только еще объ его отношеніи къ Аверроэсу и аверроистамъ. Извѣстна та слѣпая ненависть, которую Петрарка всегда, а въ особенности въ концѣ жизни, проявлялъ къ арабскому комментатору и его единомышленникамъ. Проклятія, ругательства, насмѣшки такъ и сыплются изъ его устъ каждый разъ, когда эти безбожники обратятъ на себя вниманіе сердитаго гуманиста. Ренанъ утверждаетъ **), что Петрарка былъ по натурѣ человѣкомъ древняго классическаго міра, что онъ ненавидѣлъ средніе вѣка и все, что съ ними было связано, а потому не терпѣлъ и аверроизма. Но, вѣдь, монашество, римская догма и нетерпимость были гораздо тѣснѣе связаны съ средними вѣками, однако, Петрарка на нихъ не нападалъ и всегда являлся ихъ апологетомъ. Наконецъ, на какія стороны аверроизма наиболѣе яростно набрасывается изящный пѣвецъ Лауры? Не на черствое педантство, не на схоластическую запутанность построенія, не на варварское изложеніе ученій Аверроэса, какъ они проявлялись въ Италіи XIV вѣка, а именно на тѣ черты арабской доктрины, которыя однѣ въ ней имѣютъ историческое значеніе и связываютъ ее съ эпохою Помпонацци и съ европейскимъ скептицизмомъ XV и XVI столѣтій ***). Оуэнъ благоразумно оставляетъ въ сторонѣ все тѣ произведенія Петрарки, въ которыхъ его католическія убѣжденія сказываются съ особенною силой, и, придерживаясь своего глубоко ошибочнаго метода, выдергиваетъ изъ Санзоніеги стихи, кажущіеся ему скептическими. Не останавливаясь на этихъ цитатахъ, мнѣ кажется можно съ увѣренностью сказать: нѣтъ, Петрарка не былъ скептикомъ и къ предшественникамъ Помпонацци причисленъ быть не можетъ.

Очерковъ, посвященныхъ Пульчи, Боккаччіо, Гвиччардини и Маккиавелли, я касаться не буду, такъ какъ о нихъ въ книгѣ Оуэна сказано всего по нѣсколько словъ. Изъ этихъ очерковъ лучшій посвященъ Пульчи; поэма *Morgante Maggiore* подвергнута дѣйствительно разбору и критикѣ, а не по-

*) Все это мѣсто приведено въ прекрасномъ переводѣ г. Корелинымъ въ его трудѣ *Ранній гуманизмъ и его исторіографія*. Этотъ переводъ несравненно изящнѣе высокопарнаго латинскаго подлинника. Мнѣ только кажется, что слово „*forensis*“ лучше было бы перевести „свойственный форуму“, а не „рыночный“, какъ это сдѣлалъ г. Корелинъ... („здесь разсматривается дѣло не рыночное, но небесное“ и пр.).

**) *E. Renan: „Averroès et l'averroïsme“* (Paris, 1866), p. 329.

***) Для болѣе наглядной характеристики религіозной нетерпимости Петрарки даю много матеріала рассказъ о томъ, какъ однажды послѣ спора Петрарка вышвырнулъ вонъ изъ комнаты одного аверроиста (см. *Tiraboschi: „Storia della letteratura italiana“*. T. V, p. 190; *Ernest Renan: „Averroès“*, p. 333, 334; *И. Л.: „Очерки скептической мысли во Франціи“*).

просту пересказана своими словами, какъ, на примѣръ, у Женгенэ *). Напрасно только Оуэнъ называетъ Гвиччардини и Маккиавелли предшественниками Помпонацци: они были его современниками, потому что Маккиавелли выступилъ на общественную и литературную арену, когда Помпонацци уже много лѣтъ профессорствовалъ въ Падуѣ, а Гвиччардини писалъ свою «исторію», когда философъ былъ уже старикомъ. Жизнь и дѣятельность Помпонацци разсказаны такъ живо и хорошо, что главу, посвященную великому скептику, нужно признать одною изъ лучшихъ во всемъ произведеніи. Что касается до біографій Джіордано Бруно и Ванини, то онѣ производятъ гораздо менѣе выгодное впечатлѣніе, можетъ быть, потому, что авторъ считаетъ здѣсь нужнымъ не излагать событія жизни и идеи этихъ двухъ мыслителей, а защищать ихъ отъ разныхъ обвиненій и подозрѣній. Я не останавливаюсь на этой второй части труда Оуэна, потому что, во-первыхъ, она носитъ гораздо болѣе компилятивный характеръ, чѣмъ первая (за исключеніемъ статей о Пульчи и Помпонацци) и, во-вторыхъ, сжатое изложеніе содержанія этой части дало бы только общеизвѣстные и часто малохарактерные факты изъ жизни поименованныхъ итальянскихъ писателей.

Въ заключеніе можно повторить, что работа Оуэна по содержательности, оригинальности взглядовъ на скептическія вѣянія 13 и 14 вв., по массѣ просто артистически расположенныхъ фактическихъ свѣдѣній, можетъ быть признана, безспорно, однимъ изъ выдающихся явленій современной исторіографіи. Можно отъ души пожелать, чтобы авторъ далъ продолженіе своего труда и коснулся бы дальнѣйшей, столь интересной для исторіи скептицизма—эпохи.

Евг. Тарле.

*) *Ginguené*: „Histoire de la littérature d'Italie“. Т. IV, р. 222 и слѣд.